

Графы Ефимовские и их Можайские владения

Маклаково, Настасьино, Холм, Сельцы, Шебаршино, Вяземское, Ратчино, Гавшино, Шишиморово, Бурцево, Клементьево, Сельцы – это основные населённые пункты нынешнего Можайского района, которыми на протяжении XVIII и XIX веков владели представители нескольких поколений графов Ефимовских. Усадьба, где располагался господский дом с парком и прудом, находилась в с. Клементьеве, в документах часто называвшимся Введенским.

Одно из первых упоминаний в письменных источниках этих мест относится к 1504 г., когда Московский Великий Князь Иван III выделил удел своему сыну Юрию. Объезжая рубежи нового княжества, дворцовый дьяк Ушак и Константин Григорьевич Заболотцкий описали границы между Можайским и Рuzским станами. В частности, они писали: «А изо врага (Острогинского) налево, старою межою, по ямам, налеве земля Можайская Заретцкого же стану села Клементьевского, а направе земля Рuzская деревни Лычникова Дмитрея Данилова сына». В «Разъезжей грамоте» говорилось и о д. Маклаково: «Да старою межою, по ямам, да поперек болотца, налеве земля Можайская деревни Моклокова и деревни Филимонова, и деревни Парфеньева, а направе земля Рuzская, Ростовитцкой волости, деревни Вакарина»¹.

Спустя два столетия значительная часть территории Можайского и Рuzского уездов была пожалована Ефимовским – родственникам Екатерины I. Ее отец – Иоахим, имел, по словам историка Г. Гельбига, четырех детей: Карла, Марту, Христину и Анну². После того, как Марта, став женой Петра Великого и получив имя Екатерины I, взошла на российский престол, её младшая сестра Анна с мужем Михаилом сумела бежать от своего помещика из Литвы и в 1725г, объявилась в Петербурге. Еще при крещении Михаил получил второе имя – Ефим, которое теперь стало основой для фамилии вновь появившихся дворян Ефимовских. Спустя два года родственники императрицы

были пожалованы многочисленными деревнями и крестьянами в различных уездах России. Можайские и Рузские владения отошли сыновьям – Ивану и Андрею.

Говоря о представителях рода Ефимовских, один из их современников, наблюдательный и язвительный князь М.М. Щербатов, писал: «... о всех генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные...»³. Действительно, сыновья постоянно давали повод для подобных суждений: то заложат родительское наследство и не смогут в срок возратить долги, то, несмотря на категорическое запрещение продавать домашней выделки вино, через своего служителя откроют нелегальную торговлю и подвергнутся значительному штрафу. В итоге дело дошло до того, что по словам одного из сыновей – Андрея, власти «хотят держать под арестом». Несомненно, в столь неудачном и подчас трагическом повороте судьбы Ефимовских сыграли роль и посторонние силы. Правившая в 1730-х гг. императрица Анна Иоанновна презирала и недолюбливала всех родственников Екатерины I и не скрывала к ним своей неприязни. В 1732 г., когда владения детей Ефимовских Ивана и Андрея Михайловичей были не разделены, старший брат Иван занял у камергера Балк-Полева полторы тысячи руб. Но возратить не смог. И хотя в долг заложены были Нижегородские деревни, Балк-Полев, будучи «в силе» при императорском дворе, самовольно захватил Можайские владения и тут же заложил их своему зятю Лопухину за 8 тысяч. Ни обращения к Анне Иоанновне, ни возврат денег не спасли можайскую вотчину.

В 1739 г. братья разделили имущество, и Андрею Михайловичу досталась Можайская часть: вотчины, тогда находившиеся во владении Балк-Полева, Ивану же отошли Нижегородские земли. Лишь после воцарения дочери Екатерины I – Елизаветы Петровны, Клементьево с деревнями снова возвратилось Ефимовским. В своем указе Сенату от 17 августа 1741 г. Елизавета не скрывала своего возмущения в адрес предшественниц императрицы Анны: произошло «... оное по тогдашнему времени от немилости Ея, не токмо ко оным Ефимовским, но и ко всем сродным фамилиям Нашей.

Государыни любезнейшей матери блаженной и вечнодостоинной памяти Ея Императорского Величества Екатерины Алексеевны, яко Скавронским и Гендриковым, и ко утеснению их учинено; ибо и запрещение в продаже деревень в сем учинено без всякой причины»⁴. Именно Елизавета, еще не будучи не императрицей, постоянно заступалась за братьев Ефимовских.

После воцарения она уже открыто оказывала родственникам свое покровительство. В частности, ее вторым шагом явилось пожалование Ефимовских графами. В поданной в Герольдмейстерскую контору Сената «Сказке» братья писали действительно сказочные вещи: они-де природные польские шляхтичи, «а каким чином оной отец их был и в каких службах обращался и герб какой фамилии своей имел, о том не упомянут, ибо по смерти ево остались оне в малых летах»⁵. Конечно, упомянуть чины было трудно, ибо их дед по материнской линии был крепостным Сапег, а отец и мать крепостными крестьянами в Литве. Как бы то ни было, но 24 апреля 1742 г. Иван и Андрей стали графами.

Андрей Михайлович к этому времени уже закончил Кадетский корпус и в 1740 г. был выпущен прапорщиком в Нарвский пехотный полк. Первые шаги в военной службе для молодого человека оказались не очень удачными. Во время Вильманстрандского похода в русско-шведскую войну он являлся адъютантом полка, отличился в боях за город, но, как он сам писал в прошении на имя Елизаветы Петровны, «... и понеже при той акции бывшие офицеры многие действительно рангами уже к награждению обнадежены, а я, же имея помощи, кроме Вашего Высочества, безнадежен уповаю в перемене моего ранга, который мне при баталии великого труда требовал остаться»⁶.

В июне 1742 г. А.М. Ефимовский по повелению новой императрицы отправился во Францию «для наук». Пробыв год в чужих землях, граф возвратился в Россию ко двору. С этого времени служебная карьера уже не приносила ему горестей. Регулярно возлагались на него ордена: в феврале 1747 г. – св. Анны, в сентябре 1748 г. – св. Владимира, в 1757 г. – Белого Орла. Служба шла при дворе: в 1747 г. назначен камергером к Великой княгине

Екатерине (будущей Екетерине II), вскоре – гофмаршалом к вел. князю Петру III. С 1757 г. внесен в военный список генерал-лейтенантов со старшинством с 1755 г. В отставку вышел с чином генерал-аншефа в первые годы царствования Екатерины II. Личная жизнь также вначале не сулила никаких превратностей. В 1748 г. женился на М.П. Ягужинской. Опубликован «Журнал дежурных генерал-адъютантов», в котором подробно описывается ход бракосочетания, причем отмечается, что сама императрица Елизавета «...благоволила кушать за первым столом, за которым был Ефимовский...»⁷. От этого брака было несколько детей: Анна, Екатерина и Павел. О последнем граф А.Р. Воронцов писал: «Это был прекрасный молодой человек, подававший большие надежды, но, к сожалению, он умер в следующем году вследствие простуды»⁸. Елизавета Петровна лично его рекомендовала русскому послу в Париже, где Павел состоял при посольстве.

Второй брак состоялся в 1761 г. Он наделал много шума в столице. А.К. Воронцова писала своей дочери: «Еще забыла тебе сообщить нового родства: Андрей Михайлович Ефимовский женится на Грузинской княжне и говорит об ней, что красота, она в своем роде и уже получил и позволение, и после праздника будет свадьба»⁹. От этого брака родилась дочь Наталья.

О третьей свадьбе практически ничего не известно, даже когда она была. Но последствия оказались катастрофическими. В дело вмешались крупнейшие представители российского дворянства, сама Екатерина II вынуждена была заниматься семейными проблемами Ефимовских, Можайские владения попали в опеку. Причиной же явилась жалоба третьей жены графа на имя императрицы. И тут выяснилось следующее. Где-то в 1760-х гг. ближайшие родственники Андрея Михайловича — гр. М.К. Скавронский и кн. С.В. Гагарин обратились к Екатерине II с просьбой взять ко Двору двух дочерей — Анну и Екатерину, т.к. старый граф женится на своей крепостной «конюховой дочери» Степаниде Никоновой. Императрица впоследствии вспоминала, что они несколько раз приходили к ней, доказывая, что дочери «... уже почти что совершением возраста, а ныне дескать оне будут у холопки в послушании»¹⁰.

Екатерина, умудренная в житейских делах женщина, не сразу приняла решение. Она потребовала от обоих представить более серьезные доказательства, чем только слова. Только после дополнительного расследования, дочери были взяты фрейлинами ко Двору. В 1767 г., незадолго до смерти, А.М. Ефимовский написал письмо старшему сыну Павлу, в котором рассказывал о третьем браке и потребовал оказывать материальную помощь Степаниде Никоновой и ее двум детям. Вместе с тем граф просил содержать всё в секрете. Павел выполнил просьбу отца, но вскоре умер. Дочери же от первых двух браков отказались мачеху признавать. Она вынуждена была обратиться к Екатерине II и одновременно в Юстиц-коллегию. Императрица предложила разобраться, насколько законен брак, Московскому преосвященному. Но тот, по словам Екатерины, «так плохо и недостаточно» разобрался, что она вынуждена была направить дело в Святейший Синод. Для нее самой ситуация была достаточно ясной: «В сем деле гордость и сребролюбие борются противу правды, сами граф Скавронский и князь Гагарин уверены, что Степанида Никонова законная жена графа Ефимовского, но, с одной стороны, гордость их заставляет спорить, что холопка им не родня. А с другой, как опекуны детей первых двух жен, они думают, что им в пользу своих питомцев дозволено удручать правду»,¹¹ – писала она в Синод.

Откровенна она была и с инициаторами конфликта. В своем письме кн. С.В. Гагарину Екатерина II прямо говорила: «Но, Ваше сиятельство, между нами сказать, где князя Сергея Васильевича честь, где совесть? Или Вы лжете теперь, или Вы лгали мне тогда, когда Вы с Мартыном Карловичем неотступно просили, чтобы я двух сестер, Анну и Катерину Ефимовских взяла ко двору во фрейлины по причине той, говорили Вы тогда мне, что отец их женился на конюховой дочери, говоря при том, что легко то узнать можно от попа, который их венчал. Вы тогда сами хотели то изыскивать, а теперь Вы же опровергаете. Где правда, где справедливость?» и заканчивала письмо словами: «Есть ли б я не была императрица, то бы я была, по вашим речам и потому, что я видела письмо графа Андрея Ефимовского, главный против вас

свидетель. Желая Вам здравствовать»¹². В 1773 г. Синод признал брак законным, хотя и с нарушениями: венчание велось лишь одним священником, без дьякона и дьячка, не внесен в Метрику, сам священник не был штрафован лишь потому, что он вскоре после брака умер. Но на этом развитие событий не заканчивалось. Спустя несколько лет отец второй жены А.М. Ефимовского – грузинский царевич Афанасий Вахтангович подал в Сенат апелляцию. А в ноябре 1779 г. Екатерина вновь вынуждена была заниматься делом С. Никоновой и ее можайскими крестьянами. Московской обер-полицеймейстер Архаров доносил: «... что вдова графиня Ефимовская, кроме крайнего о детях нерадения отягощает крестьян несносными поборами от коих многие ослушания и непорядки происходят...»¹³. Императрица предупреждала владелицу: «... в противном случае при первом указании о суровости от неё или от кого-либо по дозволению ее происходящей и несносных отягощениях крестьян, принуждены будем указать все то имение взять в опеку...». Сенат предлагал взять детей и имение сразу в опеку и поручить их родственнику Ефимовских ген.-поручику Рославлеву. Справедливости ради надо отметить, что дети С. Никоновой были также не во всем покорны матери. В 1781 г. та же Екатерина II обращалась к Московскому губернатору В.М. Долгорукову-Крымскому с предложением разобраться, что происходит в семействе Ефимовских. Дело в том, что С. Никонова обратилась к ней с прошением «...о наказании крестьян и детей за учиненные пред нею продерзости и приведении в надлежащее повиновение...»¹⁴.

После всех происшествий можайская вотчина закрепляется за сыном С. Никоновой – Петром Андреевичем Ефимовским. Он дослужился до чина премьер-майора и вышел в отставку. В 1794 г. был выбран дворянством Рузского уезда в уездные предводители, а в 1797 г. отставлен по болезни. Дело в том, что к этому времени Клементьево с окрестными деревнями входило в состав Рузского уезда. Одна из наиболее ярких страниц – это события, происходившие здесь в 1812 г. Летом, в связи с приближением французской армии, в уезде собирается ополчение. Граф Ефимовский в первые же дни

августа из своих деревень поставил 16 ополченцев, а вместе с ними 90 пудов муки, свыше 1 четв. крупы¹⁵. Затем – еще раз собирали крестьян. Впоследствии ополченцы из Клементьева «с деревнями» вошли в состав 1-го Егерского полка майора Демидова. Спустя пять лет после войны, когда в Рузу были присланы медали для награждения ополченцев, выяснилось, что домой возвратилось только 74 человека. Но неизвестно, сколько погибло, умерло от болезней и ран¹⁶. Сам П.А. Ефимовский получил положенную ему бронзовую медаль с большим трудом, хотя и имел на это все основания. Как он писал Рузскому предводителю дворянства А.Н. Соймонову: «... избранный дворянством, предшественник Ваш, не знаю, какой ради причины, следующую мне медаль не разсудил доставить!»

Как известно, после Бородинской битвы, 4-й Итальянский корпус двинулся на Москву через Рузу и Звенигород. 28 августа неприятельские войска прошли через Введенское. Это было первое наиболее крупное селение на их пути. Оно подверглось полному разгрому. Офицер французской армии Цезарь Ложье впоследствии вспоминал, говоря о помещичьем доме: «Моментально без всякой пользы было все перевернуто вверх дном»¹⁷. По словам бурмистра М. Иванова, только в Клементьеве было сожжено неприятелем 54 крестьянских двора¹⁸. Во владениях графа было разграблено имущество, угнан крестьянский скот, вытоптан яровой хлеб, а озимый, посеянный в 1811 г. и собранный крестьянами, разграблен французами. Даже в 1816 г. местные власти сообщали, что деревень Маклакова и Холм «крестьяне хлебом и скотом обзавелись не совершенно»¹⁹. Не смогли обустроить и дома. Про с. Введенское и д. Вяземское в том же 1816 г. было официально заявлено, что обзавелись «не совершенно». Зимой 1812 г. и весной 1813 г. положение было просто отчаянным. Губернские власти секретно предостерегали уезды, чтобы с крестьян помещики не требовали налогов, а сами старались чем-то им помочь. Известно, что уже в декабре 1812 г. П.А. Ефимовский жил в Клементьеве. Его дом в Москве в районе Пречистенки был сожжен. Как и другим помещикам, ему была выдана ссуда на восстановление крестьянских

хозяйств. Согласно «Книги на выдачу денег...», считалось, что во владениях графа в той или иной степени пострадало 2055 душ, и на их пропитание было отпущено 46854 р.²⁰ В июле 1816 г. Рузский дворянский заседатель С. Белаго объезжал деревни уезда, выясняя положение крестьянских хозяйств. Про Введенское он сообщал, что из 54 сожженных дворов восстановлено 35, а 19 — совсем не строены, т.к. 16 семейств полностью вымерли, а 3 — переведены жить в господский дом. В д. Вяземской французы сожгли 8 дворов, из которых восстановили только 2, ибо 4 семейства умерли, а два других переселены в другие деревни²¹.

Как и его отец, П.А. Ефимовский не раз женился, и после его смерти в 1826 г., как когда-то после смерти отца, начались семейные неурядицы. Известный бытописатель М.И. Долгоруков в частном письме писал: «Полицию звали не раз, а до сих пор еще не пришли ни к какому решению»²². Его младший сын Михаил утонул еще при жизни Петра Андреевича в пруду Введенского. О нем можно судить лишь по словам А.Я. Булгакова в письме к брату К.Я. Булгакову: «Здесь стреляются, а у Вас тонут. Жаль бедного Ефимовского, он был порядочный малый. О брате его (Андрее) не то говорят; лучше бы ему утонуть, а еще лучше никому»²³. Таким образом, имение перешло сыну Андрею. Его старший сын — Петр — был убит на Кавказе, а младший — Борис находился в очень почетной службе — в Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества.

На 1852 г., согласно справочнику К. Нистрема, село Клементьево 1-го стана Рузского уезда принадлежало Аграфене Федоровне — второй жене П.А. Ефимовского, Андрею Петровичу — сыну от первого брака и Борису Андреевичу Ефимовским. Крестьян считалось 119 мужских душ и 152 женских, которые проживали в 38 дворах.

Известно, что Ефимовские пожертвовали часть своих владений вокруг Клементьева под летние лагеря Московскому Военному округу, которые просуществовали здесь до 1930-х годов. Даже ныне местные жители называют березовую рощу вдоль реки Пальны «Лагерями». Но рассказ о последующих

годах требует еще больших поисков в архивах и мемуарах современников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ДДГ. М.-Л., 1950. С. 399.

² *Гельвиц Г.* Русские избранники // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 36.

³ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 101.

⁴ *Бороздин К.* Опыт исторического родословия графов Ефимовских. С. 14.

⁵ «Гербовед». СПб., 1913. Декабрь. С. 196.

⁶ Архив кн. Воронцова. Т. 1. С.39.

⁷ Русская старина. 1897. Т. 89. С. 48.

⁸ Записка гр. А.Р. Воронцова // Русский архив. 1883. Кн. 1. С.280.

⁹ Архив кн. Воронцова. Кн. 4. С. 463.

¹⁰ *Бороздин К.* Указ. соч. С. 16.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Русская старина. 1871. № 10. С. 382.

¹³ Семнадцатый век. Кн. 1 М., 1869. С. 177.

¹⁴ Русский архив. 1911. Кн. 2. С. 167.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 391. Оп 1.Д. 620. Л. 2 об.

¹⁶ Там же. Ф. 394. Оп 1 .Д. 106. Л. 4.

¹⁷ *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М.: Задруга, 1912. С 155.

¹⁸ ЦИАМ. Ф.394. Оп 1. Д. 76. Л. 31.

¹⁹ Там же. Д. 76. Л. 3.

²⁰ ЦИАМ. Ф.394. Оп. 1. Д. 622. Л. 7 об.

²¹ Там же. Д. 76. Л. 15.

²² Русский архив. 1915. Кн. 2. С. 196.

²³ Там же. 1900. Кн. 3. С. 216.